

КОГДА ЛОЖЬ СТАНОВИТСЯ
ТВОИМ ВЕЛИЧАЙШИМ ШЕДЕВРОМ

ИСКУССТВО ОБМАНА

МАРИ
СЕЛИН

18+

Искусство обмана

Мари Селин

Искусство обмана

«Автор»

2026

Селин М.

Искусство обмана / М. Селин — «Автор», 2026 — (Искусство обмана)

Для Элоизы Дюваль первая большая выставка в Париже — шанс наконец услышать, что говорят о её картинах, а не о её фамилии. Девять полотен, месяцы работы и один вечер, которого она ждала так долго, что теперь боится в него поверить. Лоран Дюпре, наследник сети галерей, видит в её работах то, что она сама порой не умеет объяснить. С ним легко спорить и ещё легче оставаться собой. Джеймс Рид появляется случайно, за столиком у Сены. Он старше, слишком уверен в себе и смотрит на Элоизу так, что ей трудно скрыть, насколько он её притягивает. Выставка приносит успех. Следом приходит обвинение в плагиате, и Элоизе приходится защищать своё имя и картины, которые она считала самой честной частью себя. Но с людьми всё сложнее, чем с живописью: иногда ложь замечаешь лишь тогда, когда уже успела влюбиться.

© Селин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Мари Селин

Искусство обмана

Глава 1

Элоиза начинала подозревать, что девушка за роялем её ненавидит. Справедливо. За последние три дня она семь раз переделала её правую руку, дважды извинилась перед ней вслух и один раз всерьёз подумала, не написать ли поверх всего этого натюрморт с лимонами. С лимонами они хотя бы не спорили бы о том, пора ли им что-нибудь делать. Отложив кисть, Элоиза села напротив холста.

Пианистка сидела к ней спиной под высокими антрацитовыми арками концертного зала. Перед ней белели клавиши. Картина должна была поймать мгновение перед первой нотой — ту короткую паузу, когда зал уже затих, а музыкант ещё принадлежит себе. Но девушка выглядела так, будто ждала разрешения сыграть.

— Отлично, — пробормотала Элоиза.

В больших окнах мастерской отражались лампы и её собственные движения. За стеклом дождь размывал очертания дома напротив. Начался он ещё засветло, неожиданно и с таким усердием, словно собирался за один вечер выполнить план на всю осень. Капли барабанили по наружному подоконнику, а от приоткрытой створки тянуло сыростью. Она поднялась закрыть окно. Внизу, на узкой улице, мужчина пытался укрыть газетой голову женщины, пока они перебежали к припаркованной машине. Газета промокла раньше, чем они добрались до дверцы. Женщина заливисто рассмеялась на всю улицу, мужчина между тем посмотрел на размокшие страницы, смял их и тоже начал смеяться, доходя уже до машины.

У Элоизы чесались руки запечатлеть этот момент. Прекрасная причина однажды написать ещё одну картину. Ужасная — отвлечься от этой. Задвинув раму, она вернулась к мольберту. Мастерская находилась отдельно от родительского дома. Здесь не приходилось убирать краски перед ужином или объяснять, почему один и тот же стул вторую неделю стоит посреди комнаты.

Когда Элоиза впервые увидела это помещение, оно показалось почти чересчур аккуратным: кремовые стены, светлый паркет, высокие окна и столько свободного места, что собственные шаги казались слишком громкими. С тех пор всё заметно изменилось — преимущественно против её воли. На стенах появились пятна, которые так и не удалось отмыть. У широкого рабочего стола теснились банки с кистями, тюбики масла, карандаши, ножницы и книга, начатая месяц назад. По вечерам Элоиза иногда брала её в руки, прочитывала страницу и обнаруживала, что всё это время смотрела поверх текста на холст.

За невысокой перегородкой находилась глубокая раковина. Когда-то белая. Теперь возле слива остались бледные следы охры и синего, а на краю — сероватая полоса, пережившая уже несколько средств для чистки и, судя по всему, собиравшаяся пережить саму хозяйку. Рядом стоял металлический стеллаж с растворителями, грунтами, чистыми банками и коробками с материалами, которые она регулярно покупала про запас, а потом забывала, что уже купила.

У второго окна расположился диван. Формально — для гостей. На практике гости обычно садились на стулья, потому что диван был занят книгами, свитером, блокнотами или самой Элоизой. Сегодня на одном подлокотнике лежал кремовый кардиган, а на другом — альбом, раскрытый на репродукции, которую она рассматривала вчера за кофе.

Стоявший рядом столик почти всегда служил временным пристанищем для чашек. Слово «временным» было несколько оптимистичным. Центр мастерской она старалась остав-

лять свободным. Нужно было отходить от холста на несколько метров, менять угол, смотреть на работу издали, поэтому лишнюю мебель сюда почти не допускали.

Почти. Потому что тот самый стул всё-таки стоял посреди комнаты вторую неделю. Восемь готовых картин выстроились вдоль дальней стены, укрытые от пыли. Девятая занимала середину мастерской и в последнее время распоряжалась настроением хозяйки с неприличной свободой. Можно было оставить руку пианистки как есть.

Никто, кроме автора, не знал, сколько раз та поднималась над клавишами и возвращалась обратно. Возможно, посетители выставки увидят в позе пианистки именно то, что Элоиза искала. А возможно, пройдут мимо, потому что стоящее у соседней стены «Красное пальто» притягивало взгляд куда быстрее.

На картине девушка застыла между дверью и высоким зеркалом. Красное пальто уже скользнуло по одной руке, но второе плечо так и осталось открытым. По изгибу кисти невозможно было понять, какое движение последует дальше: она торопливо надевает его перед выходом или, наоборот, только что вернулась и собирается снять. Вокруг всё было спокойнее — приглушённые оттенки стены, тёмная дверь, холодноватое отражение в зеркале. Поэтому красный замечался первым. А уже потом — остановившаяся на полпути рука и странное ощущение, будто зритель застал девушку в секунду, которая ему не принадлежала.

Элоизе нравилась эта неопределённость. Она ничего не объясняла и не требовала от фигуры большего, чем один незавершённый жест. В отличие от проклятой руки пианистки. Эта мысль уколола, и Элоиза тут же на себя рассердилась. Она любила «Красное пальто». Не стоило ревновать одну собственную работу к другой.

Выставка была назначена на середину сентября. Эдуард познакомил Лорана Дюпре с её картинами раньше, чем сестра успела познакомиться с ним самим: отправил портфолио, получил ответ и позвонил, не дожидаясь конца своего рабочего дня. Лоран согласился предоставить зал. Тот момент запомнился удивительно хорошо. Элоиза стояла у этого же стола с тюбиком краски в руке. Сначала дважды переспросила брата. Потом обвинила его в том, что такие новости сообщают лично, а не по телефону.

Эдуард ответил, что лично она успела бы перебить его ещё до главного. Он, к сожалению, был прав. Собственной выставки Элоиза ждала давно. Теперь, когда открытие действительно приближалось, хотелось то позвать в галерею весь Париж, то спрятаться за одной из восьми готовых картин и наблюдать из укрытия.

Она знала, чего опасалась. Семью Дюваль в определённых кругах Парижа знали куда лучше, чем её работы. И причин для этого хватало. Компания отца занималась реставрацией исторических зданий и крупными проектами с недвижимостью. Имя Филиппа Дюваля регулярно появлялось там, где речь шла о старых особняках, дорогих контрактах и зданиях, которым предстояло получить вторую жизнь. Эдуард уже несколько лет работал вместе с ним и всё глубже входил в семейный бизнес, всё больше и больше расширяя его.

Мать была известна по другой причине. Благотворительный фонд Катрин работал по всей Франции, и с детства Элоиза привыкла к приёмам, мероприятиям и людям, которые здоровались с её матерью так тепло, словно были давними знакомыми. Возможно, так и было, но сама Катрин иногда вспоминала их имена только по дороге домой, потому что невозможно запомнить столько лиц. Дювали не были семьёй, которую фотографировали на каждом углу и обсуждали в светской хронике каждую неделю. Но в нужных кругах их знали. Архитекторы, владельцы недвижимости, коллекционеры, люди из искусства и благотворительной среды — эти миры пересекались куда чаще, чем могло показаться со стороны.

И фамилия Дюваль могла открыть дверь ещё до того, как Элоиза успевала постучать. Именно поэтому предстоящая выставка одновременно радовала и пугала. Благодаря Эдуарду ей открылся путь в галерею, и делать вид, будто этого не произошло, она не собиралась. Брат

помог, потому что верил в неё. Но самое важное — Лоран согласился только после того, как увидел и рассмотрел картины. Или же ей хотелось так думать.

Ни своей семьи, ни возможностей, которые та давала, Элоиза не стыдилась. Было бы смешно отрицать очевидное. У неё имелась мастерская, возможность заниматься живописью столько, сколько нужно, не думая каждый месяц об аренде, и люди, готовые поддержать её ещё до того, как она успевала попросить. Но хотя бы здесь хотелось, чтобы всё начиналось с картин. Чтобы в день открытия посетители задерживались перед полотнами дольше, чем перед её фамилией в каталоге.

Чтобы, увидев имя Éloïse Duval, думали не только о том, чья она дочь. Рука пианистки опять привлекла внимание.

— Можешь хотя бы ты не думать о зрителях?

Умение давать советы нарисованной женщине при полном отсутствии такого умения по отношению к себе следовало считать талантом. Бесполезным, но всё-таки талантом. Элоиза взяла чистую кисть, приблизилась к холсту и подняла её к краю освещённой ладони. За спиной что-то дрогнуло и зазвенело о стекло.

Телефон. Он лежал на рабочем столе рядом с банками. На экране высветилось имя отца. И только тогда она поняла, что потеряла счёт времени, и это заставило её поморщиться.

— Чёрт.

В доме ужинали вместе, когда все могли приехать вовремя, и, понимая, как редко это удаётся, старались собираться хотя бы два-три раза в неделю. Последние несколько таких вечеров она пропустила, поэтому сегодня пообещала, что обязательно приедет. Потом открыла краски, поставила телефон на беззвучный и позволила пианистке поглотить остаток вечера. Элоиза успела ответить прежде, чем звонок закончился.

— Пап, прости, я...

— Сначала ответь, с тобой всё в порядке?

— Да. Всё хорошо.

Только после её ответа напряжение в его голосе немного ослабло.

— Полагаю, ты в мастерской?

— Угу, — виновато пробубнила она.

— Хорошо. Тогда объясни мне, почему ты не сочла нужным сообщить семье, где находишься, и не отвечала ни на сообщения, ни на звонки. Нормальный человек хотя бы предупреждает, что задержится.

Вздыхнув, она прикрыла глаза. Вот теперь началось.

— Пап... я просто засиделась.

— Про это я догадался. Но ты обещала быть дома к ужину.

— Знаю, — обречённо сказала она.

— Нет, Элоиза. Если бы знала, мы бы сейчас не разговаривали об этом.

Взгляд метнулся к часам.

— Я потеряла счёт времени.

— Это всё равно не оправдание, а скорее безответственность.

Его голос не повысился ни на полтона. В этом и была проблема. Когда отец действительно сердился, он почти никогда не кричал. Палец прошёлся по краю стола.

— Я очень виновата. Надо было хотя бы написать.

— Естественно, надо было. Твоя мать звонила тебе дважды. Эдуард уже собирался ехать в мастерскую.

— Серьёзно?

— А ты ожидала, что мы просто решим: раз ты художница, значит, можешь исчезнуть до утра?

— Я не исчезала.

— Для людей, которым ты не отвечаешь, разницы немного.

На это возразить было нечего. Элоиза выдохнула и покосилась на пианистку, словно та могла предложить достойный аргумент. Не предложила. Предательница.

— Я сейчас закончу и поеду.

— Нет. Ты сейчас уберёшь кисти и поедешь домой. Заканчивать будешь завтра.

Она нахмурилась.

— Папа, мне двадцать три.

— Я в курсе. Поэтому не приезжаю за тобой лично.

Невольно вырвался смешок.

— Очень великодушно.

— Не испытывай удачу.

— Хорошо, уже еду.

— И напиши матери тоже, не оставляй её без ответа на целый день.

— Обязательно.

— Жду дома.

Связь оборвалась раньше, чем Элоиза успела попрощаться. Несколько секунд она смотрела на экран. Потом перевела глаза на девушку за роялем.

— Ну что? Довольна?

Та, конечно, выглядела совершенно невиновной. Отправив матери сообщение с извинением, Элоиза опять осталась один на один с холстом. Ливень почти стих. Капли продолжали постукивать по подоконнику, но теперь между ними возникали паузы. Казалось, достаточно поправить ещё одну линию — и всё наконец встанет на место.

Именно так она думала час назад. А отец совершенно недвусмысленно велел убрать кисти. Ещё мгновение взгляд задерживался на освещённой ладони пианистки.

— До завтра.

Пианистка не возразила. Кисти отправились в раковину. Вода быстро окрасилась в мутно-серый, затем постепенно стала прозрачной. Элоиза промыла каждую, вытерла руки полотенцем, накрыла палитру и вернулась в основную часть комнаты. Проходя мимо дивана, подняла с пола карандаш и бросила на рабочий стол.

Потом проверила готовые полотна вдоль стены. У «Последнего букета» край защитной ткани соскользнул с рамы. Она поправила его и ненадолго задержалась рядом. На картине флористка стояла за рабочим столом в последние минуты перед закрытием. Перед ней лежал почти собранный чужой заказ — плотный букет, перевязанный ещё не до конца, ножницы, обрезанные стебли и несколько сорванных листьев. За стеклянной витриной уже темнела улица, и вечерний свет смешивался с тёплым освещением магазина.

Один цветок женщина держала отдельно. Она слегка подняла его к свету, словно хотела рассмотреть лучше, хотя в этом не было никакой необходимости. Букет предназначался кому-то другому, рабочий день почти закончился, вокруг не происходило ничего примечательного — и всё же именно этот короткий жест Элоиза когда-то заметила и унесла с собой.

На холсте невозможно было понять, вернёт флористка цветок в букет или оставит себе. Элоизе нравилось, что ответа там не было. И особенно нравилось, что эту картину не пришлось мучить семь раз подряд, прежде чем она наконец стала правильной. Лампы погасли одна за другой. Мастерская сразу стала другой: окна снова принадлежали улице, паркет поплёскивал у двери, очертания мебели растворились в полумраке, а пианистка исчезла в темноте первой.

* * *

Пока Элоиза запирала дверь, дождь казался почти закончившимся — редкие капли, влажный воздух, ничего такого, ради чего стоило бы доставать зонт. Бежевый Porsche стоял чуть дальше по улице, блестящий под светом фонаря. Обычно его цвет казался почти кре-

мовым, но сейчас, в мокром вечернем свете, стал чуть глубже. До машины оставалось всего несколько метров, поэтому зонт она решила не открывать.

Через десять секунд погода, очевидно, сочла это личным вызовом.

— Ну конечно.

Пришлось ускорить шаг, прикрывая голову сумкой, но до машины Элоиза всё равно добралась с мокрым рукавом и прилипшей к виску прядью волос. Внутри встретил привычный запах кожи и едва уловимый аромат её парфюма, к которому каким-то образом пришивалась краска. Кремовые сиденья, тёмная передняя панель, почти ничего лишнего. Только на пассажирском месте лежал блокнот, а в дверном кармане торчал карандаш, который она искала с прошлой недели.

Сумка полетела рядом. В зеркале заднего вида обнаружилось слегка растрёпанное отражение. Светло-каштановые волосы, обычно лежавшие мягкими волнами, от влажности завились сильнее и прилипли у висков. Зелёные глаза казались темнее, а возле правого виска обнаружилась тонкая серая полоска краски. Салфетка сделала только хуже.

— Прекрасно.

Домой, значит, она приедет в образе художницы, полностью преданной профессии. Утешало то, что там этот образ давно никого не впечатлял. Наконец двигатель ожил. Город ещё не опустел. Под навесом небольшой булочной двое мужчин переждали непогоду с бумажными пакетами в руках; у дверей кафе официант собирал стулья, стараясь не задеть столик, за которым упрямо досиживала пожилая пара. Фары тянули по мокрой мостовой полосы света.

Париж не становился пустым из-за дождя — люди просто плотнее прижимались к стенам, делили зонты и быстрее перебежали дорогу. Такие случайные сцены Элоиза любила. Не потому, что обязательно собиралась когда-нибудь их написать. Большинство забывалось ещё до следующего утра. Но время от времени какой-нибудь жест застревал в памяти: рука на чужом плече, чуть повёрнутое лицо, женщина, придерживающая юбку на ветру.

Как та пара возле мастерской. Мужчина с бесполезной газетой. На одном из светофоров мысли опять вернулись к девушке за роялем. Если опустить её руку, поза станет спокойнее. Может быть, проблема именно в том, что в одном жесте Элоиза пыталась показать одновременно ожидание и желание действовать.

Загорелся зелёный, и машина тронулась с места. Утром всё будет видно иначе. До тех пор спор окончен. Высокая ограда появилась за поворотом знакомой улицы, следом — тёмные кованые ворота между двумя каменными столбами. За одним из них мягко светились окна помещения охраны. Камера над въездом повернулась вслед за Porsche, хотя необходимости в этом почти не было: машину здесь знали не хуже, чем её хозяйку.

Один из охранников вышел под навес и поднял руку в коротком приветствии. Элоиза улыбнулась и ответила тем же. Ворота начали разъезжаться ещё до того, как она окончательно сбросила скорость. За ними город словно отступал чуть дальше. Дорога потянулась через сад, тёмная от дождя. Низкие живые изгороди блестели от воды, между деревьями горели невысокие фонари, подсвечивая мокрую листву и гравий боковых дорожек. Участок не был огромным, но пространства хватало, чтобы с улицы дом почти не просматривался.

Особняк открылся лишь через несколько секунд. Большой трёхэтажный дом из светлого камня стоял в глубине сада. Симметричный фасад смягчали высокие французские окна первого этажа и узкие балконы с тёмными коваными ограждениями наверху. Центральная часть немного выступала вперёд, подчёркнутая широкими каменными ступенями и массивными двустворчатыми дверями. По обе стороны от входа горели настенные фонари, и их тёплый свет отражался на мокром камне.

Первый этаж был освещён почти весь. Через одно окно угадывалась гостиная, через другое — часть малой столовой. Наверху горело лишь несколько ламп. Для чужого человека дом Дювалей, вероятно, выглядел внушительно. Элоиза почти никогда об этом не думала.

Она знала его слишком хорошо: какую ступень у боковой лестницы Эдуард в детстве отколол мячом, какое окно в гостиной отец всегда открывал первым весной и где мать любила ставить цветы, когда ждала гостей.

Богатство вообще хуже всего замечалось там, где прожил всю жизнь. Для неё это был не особняк Дювалей. Просто дом. Машина свернула к площадке перед боковой частью здания. Чуть дальше находился закрытый гараж, а за ним дорога уходила к служебному въезду. Заглушив двигатель, Элоиза ненадолго осталась сидеть в тишине, пытаясь унять усталость.

После мастерской, дождя и дороги тёплые окна выглядели особенно уютно. Потом взгляд упал на часы. Уют немедленно приобрёл лицо отца.

— Да, да. Иду.

Будто Филипп мог услышать её через две стены и сад. Она забрала сумку и выбралась из машины. К тому моменту, как Элоиза поднялась по ступеням, входная дверь уже открылась.

— Добрый вечер, мадемуазель, — поприветствовала её горничная.

— Добрый.

Женщина приняла влажное пальто и почти незаметно задержала взгляд на сером мазке у виска. Это не укрылось от Элоизы.

— Даже не спрашивайте.

— Я ничего не сказала.

— Вот именно это истораживает.

Уголки губ горничной дрогнули. В просторном холле пахло свежими цветами. Они стояли на длинной консоли под большим зеркалом между двумя глубокими синими креслами; рядом кто-то оставил сложенный зонт. Каменный пол тянулся до основания широкой лестницы, ведущей наверх. Тёмное дерево перил отливало в мягком свете настенных ламп.

Справа через открытые двери виднелась часть гостиной — край дивана, низкий журнальный стол и книжный шкаф у дальней стены. Слева коридор уходил к малой столовой и кабинету отца. Дальше располагались помещения, которыми семья пользовалась реже: парадная столовая и более формальная гостиная, почти всегда выглядевшая так, словно никто из Дювалей там не жил. Зато здесь признаки жизни обнаруживались постоянно. На одном из синих кресел лежала папка Эдуарда. У зеркала — ключи отца. Рядом с вазой мать оставила планшет и тонкую папку с документами фонда, которые, видимо, принесла из кабинета и собиралась забрать с собой утром.

На полу блестели мокрые следы. Элоиза неловко задержалась у порога.

— Я вытру.

— Нет, я сама...

Горничная посмотрела на неё.

— Вы уже пытались однажды.

Ответ застрял, так и не появившись.

— Тогда на полу осталось больше воды, чем вы принесли.

Несколько секунд ушло на поиски достойного возражения. Безрезультатно.

— Вы до сих пор это помните? — побеждённо спросила она.

В глазах женщины мелькнуло веселье.

— Очень хорошо.

— Понятно. Значит, шанса исправить репутацию у меня нет.

— Сегодня — нет.

Пришлось признать: горничная помнила тот случай лучше самой Элоизы. Та поблагодарила её и сняла обувь. Из гостиной доносились голоса. До лестницы оставалось несколько шагов, когда в дверном проёме появился Эдуард. Брат остановился и неспешно окинул сестру взглядом — от влажных волос до сумки, из которой торчал край блокнота. Судя по виду, рабочий день закончился совсем недавно: пиджака уже не было, верхняя пуговица рубашки рас-

стёгнута, рукава закатаны до предплечий. На одном манжете остался едва заметный след светлой пыли — похоже, после офиса он опять успел заехать на объект.

Тёмно-каштановые волосы, обычно уложенные куда аккуратнее, к вечеру слегка растрепались. Серые глаза Эдуард унаследовал от отца — как и привычку ненадолго замолкать, прежде чем что-нибудь сказать. Правда, на этом сходство обычно и заканчивалось. Отцовская пауза могла заставить пересмотреть последние пять решений в жизни; у Эдуарда она чаще означала, что он придумывает, как именно сейчас над ней поиздеваться.

Брат и сестра вообще походили друг на друга меньше, чем Эдуард любил утверждать. От матери Элоизе достались зелёные глаза и более мягкие черты, тогда как в лице брата было больше отцовского — чётче линия скул, прямее нос, резче очерченные брови. Но стоило ему улыбнуться, и вся эта серьёзность исчезала настолько быстро, что иногда становилось непонятно, как кто-то в деловых переговорах вообще воспринимает его всерьёз.

Хотя, судя по всему, воспринимали. Эдуард умел становиться серьёзным именно тогда, когда требовалось. Просто сестре эту версию себя показывал нечасто. Сейчас в его глазах уже появилось знакомое выражение.

— А мы начали обсуждать, ставить ли тебе в мастерской кровать.

Элоиза склонила голову и заговорщически сказала:

— Надеюсь, хотя бы выбрали с хорошим матрасом.

— Я предложил раскладушку. Папа сказал, что тогда ты вообще перестанешь приезжать домой.

— Вот видишь. Он думает намного разумнее, чем ты.

Эдуард прижал ладонь к груди.

— Какая неблагодарность.

— За раскладушку?

— Зато бесплатно.

— Удивительная щедрость.

Он усмехнулся, подошёл и быстро обнял сестру одной рукой. Второй всё ещё держал стакан воды. От него пахло привычным парфюмом и чем-то пыльным — ещё одно подтверждение поездки на объект. Отец иногда жаловался, что сын привозит домой половину реставрируемых зданий на обуви. Впрочем, сам поступал точно так же.

— Папа уже успел прочитать тебе лекцию?

— Ну, естественно.

— Значит, всё серьёзнее.

— Ты пришёл меня пожалеть?

— Нет. Убедиться, что после разговора с ним ты всё ещё собираешься войти в дом, — сказал он и ущипнул её за щёку.

Элоиза шикнула и невольно улыбнулась.

— Как видишь, зашла.

— Тогда моя работа окончена.

— Какая самоотверженность.

— Не благодари.

Она толкнула его плечом и направилась к лестнице.

— Она приехала, — бросил Эдуард в сторону гостиной.

От простой фразы неприятно кольнуло совестью. Задержаться в мастерской она имела право. Заставить семью гадать, всё ли с ней в порядке, — совсем другое дело. Спальня находилась в дальней части второго этажа и выходила окнами в сад. Закрыв за собой дверь, Элоиза бросила сумку на мягкую банкетку у кровати.

Здесь всегда было тише, чем в остальном доме. Комната была просторной, но не казалась пустой. Высокие окна занимали почти всю внешнюю стену; за ними темнел мокрый сад, а

по стеклу медленно стекали последние капли. Светлые шторы были раздвинуты, и в их складках отражалось мягкое сияние ламп. Большая кровать стояла изголовьем к кремовой стене. Белое пушистое покрывало сбилась у подушек — утром хозяйка, как обычно, торопилась и оставила его именно так. У изножья находилась обитая тканью банкетка, на которой теперь лежали сумка и снятый кардиган.

Напротив — длинный невысокий комод с большим зеркалом. В углу возле окна разместился диван с небольшим столиком, а почти всю соседнюю стену занимали книжные стеллажи. Книги давно перестали помещаться только на полках: две лежали на прикроватной тумбе, ещё одна — раскрытая — осталась на диване. Мама однажды предложила перенести часть в библиотеку.

Элоиза тогда посмотрела на неё так, что предложение больше не повторялось. В дальней стороне находились две двери: одна вела в ванную, другая — в гардеробную. Сначала Элоиза отправилась в ванную. Здесь преобладали молочные и кремовые оттенки: камень, большое зеркало над двойной раковиной, стеклянная душевая и глубокая ванна у окна, которой она пользовалась значительно реже, чем обещала себе. На столешнице стояли флаконы, кремы и маленькая фарфоровая чашка, куда обычно складывались серьги, снятые на ходу.

Через несколько минут след краски наконец исчез с лица. После душа Элоиза вернулась в спальню в халате и направилась ко второй двери. Гардеробная занимала отдельную комнату. Встроенные шкафы тянулись вдоль трёх стен; за стеклянными дверцами висели платья, жакеты, блузы и пальто, ниже стояли ряды обуви. В центре находился широкий пуф, напротив — зеркало в полный рост.

Обычно здесь царил порядок, который сама хозяйка была не способна поддерживать дольше двух дней. Сегодня на пуфе уже лежало платье, брошенное утром после того, как она передумала его надевать. Из одного шкафа появились домашние брюки и мягкий джемпер. И только тогда Элоиза вспомнила, что завтра ей предстояло знакомство с Лораном Дюпре.

Взгляд сам собой скользнул к ряду платьев. Нет. Дверца решительно закрылась. Если начать выбирать одежду сейчас, до сна дело не дойдёт вовсе.

* * *

Когда Элоиза спустилась в малую столовую, разговор уже шёл полным ходом. Эту комнату она всегда предпочитала парадной, предназначенной для приёмов и семейных праздников. Здесь всё было проще: овальный деревянный стол, шесть мягких стульев, невысокий буфет и высокое окно в сад. На стенах висели несколько небольших работ и семейные фотографии, которые Катрин время от времени переставляла, хотя утверждала, что ничего подобного не делает.

Мать сидела ближе к окну, положив рядом планшет. Даже дома она сохраняла ту спокойную элегантность, которая, казалось, не требовала никаких усилий. Тёмно-каштановые волосы были собраны в низкий узел, несколько прядей к вечеру выбились у висков. На ней осталось чёрное платье, в котором Катрин приехала с работы, только серьги она успела снять и положила возле телефона. Внешне Элоиза была больше похожа именно на неё: те же зелёные глаза, более мягкие черты лица, похожий оттенок волос — хотя у дочери они были светлее.

Но в Катрин почти всё выглядело собраннее. Даже усталость.

— Я всё равно считаю, что двадцать минут на речь — слишком много, — говорила она, когда дочь вошла. — Люди приходят на благотворительный вечер не для того, чтобы слушать меня двадцать минут.

— Ты говорила то же самое в прошлом году, — заметил Филипп.

— Потому что и в прошлом году это было правдой.

Эдуард поднял глаза.

— В прошлом году ты говорила двадцать семь.

Катрин повернулась к сыну.

— Ты засекал?

— Мне было скучно.

— Какая чудесная поддержка семьи.

— Я пожертвовал почти полчаса своей жизни.

Элоиза не удержалась от улыбки и села на свободное место.

— О чём спорим?

— Твоя мать пытается убедить всех, что не умеет выступать перед людьми, — ответил Филипп.

— Я сказала совершенно не это.

— Смысл был примерно такой.

Катрин бросила на мужа взгляд, полный притворного недовольства, но спорить дальше не стала. Филипп сидел напротив дочери. Пиджак и галстук он уже снял, рукава белой рубашки закатал до предплечий. Седина у висков стала заметнее за последние годы, но во всём остальном отец почти не менялся: прямые плечи, резкие черты, внимательные серые глаза, которые Эдуард унаследовал практически без изменений. Только у сына выражение было легче.

Филипп мог смеяться, спорить за ужином и рассказывать о каком-нибудь абсурде на работе, но стоило ему стать серьёзнее — и дочь до сих пор на секунду чувствовала себя лет на десять младше. Сейчас он именно так на неё и посмотрел.

— Телефон завтра оставишь со звуком или же напишешь заранее.

Элоиза вздохнула.

— Да, папа.

— Надеюсь, ты меня услышала.

— Услышала.

— Хорошо.

Он выдержал её взгляд ещё секунду, а потом потянулся к графину.

— И садись уже нормально. Еда остывает.

— Вот это уже звучит гораздо приятнее.

Филипп посмотрел на неё поверх стакана.

— Не обольщайся.

Эдуард тихо усмехнулся. Катрин повернулась к дочери:

— Ты завтра к Лорану к одиннадцати?

— Да. Хотим пройтись по залам и окончательно решить, куда что повесить. Ещё рамы, свет... В общем, подозреваю, быстро мы оттуда не выйдем.

— Особенно если вы оба начнёте спорить, — заметил Эдуард.

— Мы ещё даже не знакомы.

— Поэтому у Лорана пока есть шанс.

— Очень смешно.

— Я не шутил.

Филипп усмехнулся и отложил телефон.

— Девятую картину тоже повезёшь?

— Нет. Она ещё не готова.

Он заинтересованно приподнял брови.

— Ты третий день говоришь, что она почти готова.

— Потому что третий день она почти готова.

— Весьма убедительно.

В его голосе не было насмешки, но Элоиза всё равно покосилась на него.

— Осталась одна рука.

— Точно? — уточнила Катрин.

— Всё остальное меня наконец устраивает.

Эдуард перестал есть.

— Боюсь спрашивать, что не так с рукой.

— Ничего с ней не «не так». Просто она должна выглядеть так, будто девушка уже решила начать играть, но ещё не коснулась клавиш.

Элоиза подняла ладонь над столом, повторяя положение пальцев с картины.

— Вот примерно так.

Катрин внимательно проследила за жестом.

— Мне кажется, она просто ждёт.

— Да. Вот именно.

Пальцы немного изменили положение.

— А я не хочу, чтобы она ждала. Решение уже должно быть принято.

Филипп наблюдал за дочерью с другого конца стола.

— Тогда, может быть, проблема не только в руке?

— В смысле?

— Ты пытаешься показать всё одним жестом. Если зритель должен понять, что она уже приняла решение, это можно дать и позой. Плечами, корпусом. Я не художник, но сейчас ты уже минуту двигаешь только пальцами.

Элоиза прикусила губу. Это было до раздражения разумно.

— Я попробую.

— Вот теперь я точно запишу дату, — сказал Эдуард. — Элоиза только что добровольно признала, что папа мог сказать что-то полезное о живописи.

— Я сказала «попробую».

— Для тебя это практически капитуляция.

Она потянулась за хлебом.

— Продолжай, и я передумаю.

Филипп строго взглянул на сына, хотя в уголках его глаз уже появилось знакомое веселье.

— Оставь сестру в покое. Она хотя бы действительно попробует. В отличие от некоторых людей, которым я сегодня трижды говорил проверить смету до отправки.

Эдуард медленно опустил вилку.

— Вот зачем ты решил вмешаться?

— Потому что ты слишком расслабился.

Катрин тихо рассмеялась, а виновница недавнего опоздания с совершенно невинным видом продолжила ужин. Элоизе нравилось, что дома редко пытались говорить с ней об искусстве так, будто боялись сказать что-то неправильное. Мама могла не понять замысел и признаться в этом. Эдуард — пошутить. Отец — высказать мнение, с которым дочь совершенно не обязана была соглашаться. Наверное, именно поэтому его редкая похвала значила для неё так много.

Постепенно тема сменилась. Катрин вернулась к предстоящему мероприятию фонда, Эдуард попытался доказать отцу, что со сметой всё было не настолько драматично, как тот представлял, а Элоиза наконец нормально поела. К тому времени, как она поднялась из-за стола, за окном почти перестало моросить. Позже спальня встретила тишиной.

Дом постепенно затихал. Из коридора больше не доносились шаги, за стеклом темнел сад, на листве блестела влага. Элоиза включила лампу возле кровати и нашла книгу, которую собиралась дочитать ещё на прошлой неделе. Раскрыла на заложенной странице, устроилась среди подушек и прочла один абзац дважды. Героиня уже успела сбежать из замка. От кого и зачем — понятия не имелось. Пришлось перевернуть страницу. Потом вернуться обратно. Безнадёжно.

Телефон лежал рядом. В галерее оставалась фотография «Перед первой нотой», сделанная днём при хорошем освещении. Рука сама потянулась к нему. Большой палец задержался

над экраном. Достаточно было открыть снимки и посмотреть всего лишь один раз. После слов отца особенно хотелось проверить не только руку, но и плечо пианистки.

Экран уже почти открыл нужную фотографию, но в последний момент она нажала на боковую кнопку и отключила телефон. Элоиза поставила будильник и вернула телефон на тумбу. Завтра она снова поедет в мастерскую. Посмотрит на девушку за роялем после сна, при дневном свете, и, возможно, наконец поймёт, что именно мешало закончить картину.

А сегодня было достаточно. Даже если пианистка считала иначе.

Глава 2

*You and I were bright, shooting
through the sky daily
Lighting up the night, wasn't
always right, baby*

The neighbourhood — Reflections.

Мерседес Эдуарда двигался по утреннему Парижу ровно и почти бесшумно, будто даже город сегодня решил не мешать Элоизе волноваться.

В салоне пахло кожей, знакомым парфюмом брата и кофе, который он успел купить по дороге. Чёрные сиденья с тонкой светлой строчкой, несколько карточек в отделении центральной консоли, зарядный кабель и сложенный вдвое лист бумаги — всё выглядело привычно и почему-то действовало успокаивающе.

На коленях Элоиза держала тонкую папку с фотографиями работ и заметками. Почти всё Лоран Дюпре уже видел в электронном виде, поэтому брать её с собой особого смысла не было. И всё же оставить папку дома она не смогла.

Сегодня она выбрала строгий костюм молочного цвета: приталенный пиджак с чёткой линией плеч, прямые брюки и тонкую светлую блузу. Волосы собрала в низкий гладкий пучок, оставив у лица несколько мягких прядей. Макияж тоже сделала лёгким — тон, тушь, немного румян и нейтральная помада.

Ничего необычного.

По крайней мере, Элоиза пыталась себя в этом убедить, в четвёртый раз поправляя край пиджака.

— И долго ты будешь поправлять его?

Она повернула голову к брату.

Эдуард смотрел на дорогу. На нём был тёмно-синий костюм и чёрная рубашка без галстука, верхнюю пуговицу он, как обычно, оставил расстёгнутой.

— Я ничего такого не делала.

— Конечно.

— Просто ткань легла неудобно.

— Уже четвёртый раз?

Элоиза нахмурилась.

— Ты бы лучше так следил за дорогой.

— Я и слежу. Ты просто нервничаешь достаточно громко.

Она посмотрела в окно.

— Только если немного.

— Не сказал бы, что немного.

— Ну какой же ты вредный.

Элоиза прижала папку к себе и попыталась сосредоточиться на городе за окном.

Нервничала она действительно сильнее, чем хотела признавать.

Лоран уже видел её портфолио. Более того, он согласился работать с ней и предоставить галерею под выставку. Формально ей не предстояло сегодня никого убеждать, что картины стоят потраченного на них времени.

Но одно дело — получить письмо и несколько раз обсудить организационные моменты.

Совсем другое — впервые лично войти в галерею, где через несколько недель должны были висеть её работы, и познакомиться с человеком, который согласился их выставить.

Когда до места оставалось совсем немного, Эдуард вдруг стал серьёзнее.

— Послушай, язвочка. Я рад, что ты на пути к своей цели. И что я рядом могу наблюдать за этим и восхищаться. Я знаю, что это для тебя значит, и всегда буду готов помочь и поддержать тебя.

Элоиза медленно повернулась к нему.

Такого продолжения она точно не ожидала.

Эдуард по-прежнему смотрел на дорогу.

— И если тебе что-то не понравится, если не понравится этот Дюпре — ты сразу скажи. Я достану для тебя любую галерею.

Она улыбнулась.

Вот теперь брат снова был похож на себя.

— И самое важное, — добавил он. — Я горжусь тобой.

Улыбка исчезла.

Не потому, что ей не понравились его слова.

Наоборот.

Именно поэтому.

Они могли подшучивать друг над другом часами, спорить из-за ерунды, воровать еду из чужих тарелок и совершенно спокойно обсуждать почти всё. Но подобные вещи вслух говорили редко.

Элоиза некоторое время просто смотрела на него.

— Кто ты такой? — спросила она наконец. — И что ты сделал с моим братом?

Эдуард усмехнулся.

К тому моменту, когда он припарковал машину неподалёку от галереи и выключил двигатель, прежнее выражение окончательно вернулось на его лицо.

— Это была разовая акция, и она закончена.

Элоиза открыла дверь.

— Я тоже люблю тебя, вредина.

Она вышла раньше, чем он успел что-либо ответить.

Поправила край пиджака — уже в пятый раз — и только тогда подняла глаза на здание напротив.

Волнение вернулось моментально.

Только теперь к нему примешивалось что-то ещё — странное, тёплое спокойствие от последних слов Эдуарда.

Что бы ни произошло за этими дверями, она была здесь не случайно.

И впервые за всё утро эта мысль действительно помогла.

Эдуард вышел следом, обошёл машину и остановился рядом, не торопя сестру и давая ей время рассмотреть здание.

Папку Элоиза всё ещё прижимала к себе обеими руками, хотя никакой необходимости в этом уже не было.

Галерея занимала почти весь первый этаж большого светлого здания из известняка. Фасад тянулся вдоль улицы на несколько оконных пролётов, центральный вход был немного утоплен внутрь и обрамлён строгими каменными колоннами. Над дверью тонкими металлическими буквами было выведено название галереи Дюпре. Широкие витринные окна занимали почти всю нижнюю часть фасада, но из-за отражения улицы рассмотреть помещение внутри было трудно.

Элоиза задержала взгляд на стекле, потом повернулась к брату.

— Идём?

Эдуард только кивнул и первым направился к двери.

Стоило им войти, как галерея сразу показалась значительно больше, чем снаружи.

Главный зал занимал почти всю центральную часть здания. Светлый дубовый пол уходил далеко вперёд, стены были окрашены в тёплый молочно-белый цвет, а потолок пересекали тонкие металлические конструкции с направленными светильниками. Пространство не выглядело холодным или стерильным, как многие современные галереи. Камень старого здания оставили открытым в нескольких местах, а возле дальней стены сохранили широкую арку, за которой начинался второй зал.

Сейчас первый зал стоял почти пустым. На стенах оставались только тонкие направляющие для подвеса, а вдоль одной из них лежали закрытые защитной тканью деревянные панели. В глубине несколько сотрудников передвигали постаменты и проверяли освещение.

Галерея находилась между двумя выставками: предыдущую сняли накануне, а через два дня здесь должна была открыться персональная выставка Адриена Мореля — известного французского художника, чьи работы Элоиза до этого видела только в каталогах и музеях.

Она уже решила, что обязательно придёт. Ей хотелось увидеть не только сами работы Мореля, но и то, как галерея выстроит пространство вокруг них.

Через тринадцать дней на этих же стенах должны были висеть её собственные картины. Внутри снова поднялось знакомое волнение.

Каждая работа из серии была крупной — примерно два на три метра, и восемь таких полотен требовали достаточно пространства, чтобы не начать давить друг на друга. Девятая, «Перед первой нотой», пока всё ещё оставалась в мастерской и упорно отказывалась признавать себя законченной.

Впрочем, картины здесь действительно были не нужны, чтобы место уже выглядело впечатляющим.

Вдоль одной стены стояла длинная светлая скамья, у входа — массивная стойка из дерева и камня. В углу росло высокое оливковое дерево в большой керамической кадке, а через стеклянные двери в глубине можно было увидеть часть внутреннего двора.

Элоиза медленно оглянулась.

Она уже мысленно расставляла здесь свои полотна.

«Восемь утра» — возможно, ближе к входу.

«Красное пальто» — точно не напротив витрины.

Затем она резко одёрнула себя.

До развески ещё далеко. Времени спокойно подумать, что и где должно находиться, будет достаточно.

Второй зал открывался через широкую арку дальше по коридору, но отсюда рассмотреть его полностью было невозможно.

За стойкой у стены сидела женщина лет тридцати и разговаривала по телефону. Увидев Эдуарда, она закончила разговор, поднялась и вышла им навстречу.

— Месье Дюваль. Доброе утро.

— Доброе утро.

Она перевела взгляд на Элоизу и улыбнулась уже чуть теплее.

— Элоиза Дюваль? Я Адель. Месье Дюпре вас ждёт.

— Приятно познакомиться, — ответила Элоиза, тоже улыбнувшись.

Адель обменялась с каждым из них коротким профессиональным рукопожатием.

Эдуард действительно знал людей здесь, но принадлежал этому месту не больше, чем она.

В прошлом году компания их отца занималась реставрацией здания под новое выставочное пространство семьи Дюпре. Эдуард вёл часть проекта и несколько месяцев напрямую согласовывал с Лораном сроки, подрядчиков и финансовые вопросы.

На этом их отношения, по сути, и закончились.

Спустя год этого знакомства оказалось достаточно, чтобы Эдуард отправил ему портфолио сестры.

— Прошу за мной.

Они прошли через первый зал.

Теперь Элоиза успела заметить больше деталей: небольшую лестницу на второй этаж в дальней части здания, закрытый сейчас гардероб, почти незаметные двери технических помещений и широкий проход, через который, очевидно, заносили крупные работы.

Они миновали второй зал и свернули в короткий служебный коридор. За одной из открытых дверей находилась рабочая комната сотрудников: большой общий стол, стопки каталогов, рулоны упаковочной бумаги, перчатки и несколько рам, прислонённых к стене.

Чуть дальше стеклянная дверь выходила во внутренний двор.

Напротив находился кабинет Лорана.

Адель постучала.

— Войдите, — отозвался спокойный, негромкий мужской голос — чуть ниже, чем Элоиза ожидала.

Она почувствовала, как пальцы снова крепче сжали папку.

Вот теперь уже поздно нервничать.

Дверь открылась.

Кабинет оказался совсем не таким, каким она успела представить его по дороге.

Она ожидала чего-то слишком официального: тёмного дерева, безупречного порядка и, возможно, нелепо большого кресла человека, привыкшего напоминать посетителям, кому именно принадлежит здание.

Вместо этого комната выглядела прежде всего рабочей.

В центре стоял широкий стол из светлого дерева. Перед ним — два глубоких кресла, обитых серо-бежевой тканью, ещё одно находилось по другую сторону, ближе к окну.

На столе лежали каталоги, образцы рам и бумаги, которыми явно пользовались, а не раскладывали для красоты. Рядом с раскрытым ноутбуком стояла чашка с недопитым кофе, несколько карандашей лежали поверх свёрнутого плана галереи.

Вдоль дальней стены тянулся низкий стеллаж с книгами и папками. На нём стояли две небольшие скульптуры и несколько образцов материалов.

Окно было широким, почти квадратным, и выходило во внутренний двор. Свет через него падал на часть стола и делал кабинет значительно теплее выставочных залов.

На стенах висели всего две работы.

Небольшая абстракция в тонкой чёрной раме и карандашный рисунок старого здания, выполненный настолько точно, что Элоиза невольно задержалась на нём.

Она повернула голову.

Лоран Дюпре стоял по другую сторону стола.

Первая мысль оказалась совершенно неуместной: Эдуард мог бы хотя бы предупредить, что Дюпре, судя по всему, его ровесник.

И что он очень красив.

Особенно глаза.

Ярко-голубые, внимательные. Сейчас они рассматривали её с тем самым профессиональным интересом, который Элоиза привыкла замечать у людей перед картиной: спокойно, без смущения, словно пытаясь заранее понять, что именно перед ними.

На Лоране были тёмные брюки и светлая рубашка, пиджак висел на спинке рабочего кресла. Волосы были аккуратно уложены, хотя одна прядь уже выбилась ближе ко лбу.

Его лицо не обладало той безупречной, почти искусственной красотой, которую обычно любили фотографы, но именно поэтому от него было сложно отвести взгляд. Чёткие скулы, прямой нос, спокойная линия губ. Гладко выбритая кожа совсем не делала черты мягкими — напротив, подчёркивала их.

Он выглядел собранным и уверенным, но без нарочитой холодности.

Лоран первым подошёл к Эдуарду и протянул руку.

— Рад вас видеть, месье Дюваль.

— Взаимно, месье Дюпре.

Эдуард пожал ему руку, после чего повернулся к сестре.

— А это художница, с которой вам предстоит работать. Элоиза Дюваль.

Лоран снова посмотрел на неё.

На этот раз чуть дольше.

Взгляд ненадолго опустился на папку в её руках и вернулся к лицу.

— Наконец-то можем познакомиться лично, мадемуазель Дюваль.

Он протянул руку.

Элоиза вложила свою ладонь в его.

— Я тоже рада наконец встретиться с вами.

Рукопожатие было коротким и профессиональным, но уголок губ Лорана едва заметно приподнялся.

— Прошу, садитесь.

Он указал на кресла перед столом.

Эдуард первым расстегнул пиджак и сел в кресло справа. Устроился свободно, но не развязно: одна рука легла на подлокотник, другая — на колено.

Элоиза села рядом и положила папку себе на колени.

Лоран занял место напротив.

Несколько секунд он перебирал лежавшие рядом документы, пока не нашёл плотную серую папку.

— Я подготовил наш первый договор, — сказал он, открывая её.

Быстро просмотрел несколько страниц, после чего закрыл папку и передал Элоизе.

— Прошу, ознакомьтесь со всеми условиями. Если какой-то пункт вас не устраивает или вы захотите что-то изменить, обсудим сейчас.

Элоиза с непривычным, почти трепетным волнением приняла папку.

Её первый договор.

И причина, по которой Эдуард сегодня приехал вместе с ней.

Он мог сколько угодно уверять, что решение полностью остаётся за сестрой, но позволить ей подписать первый серьёзный договор в карьере, не прочитав его хотя бы раз самому, явно не собирался.

Элоиза открыла первую страницу и начала читать.

Договор оказался совсем коротким.

Не то чтобы она ожидала, что с ней сразу подпишут многолетний контракт. Да ей и самой не хотелось связывать себя долгосрочными обязательствами, ещё не зная, чего ждать от сотрудничества.

Поэтому такой вариант её вполне устроил.

Даже обрадовал.

Договор заключался на одну выставку.

С пятнадцатого по двадцать третье сентября.

Восемь подтверждённых работ и возможность добавить девятую до установленной даты.

Галерея брала на себя подготовку залов, монтаж, освещение, страхование работ с момента приёма, хранение во время выставки, рекламу, приглашения и организацию открытия.

Но на одном пункте Элоиза остановилась.

Рамы для картин также оплачивала галерея, а окончательный вариант выбирался совместно с художником.

Она перечитала строчку дважды.

— Рамы полностью за ваш счёт, получается?

— Для этой выставки — да, — ответил Лоран. — Но окончательный вариант мы выбираем вместе. Если вы захотите что-то, что выходит далеко за утверждённый бюджет, тогда обсудим отдельно.

Удовлетворившись ответом, она продолжила читать документ.

Картины могли быть проданы во время выставки. Это Элоиза знала ещё до встречи и сама согласилась выставить их на продажу.

Ниже была прописана комиссия галереи — пятьдесят процентов от фактической стоимости проданной работы. Оставшиеся пятьдесят перечислялись художнице после того, как покупатель полностью оплачивал картину.

Элоиза невольно пересчитала цифры про себя.

Если полотно стоило десять тысяч евро, пять тысяч оставались галерее и пять получала она. При двенадцати тысячах — по шесть каждой стороне.

Отдельным пунктом оговаривались скидки коллекционерам: галерея могла самостоятельно снизить цену не более чем на десять процентов. Всё, что выходило за эту сумму, требовало согласия Элоизы, а комиссия в таком случае рассчитывалась уже от фактической стоимости продажи.

Деньги должны были перечислить ей в течение тридцати дней после полной оплаты работы покупателем.

Цифра её не удивила — именно такой процент она ожидала увидеть в договоре первого совместного проекта.

Она перевернула страницу.

Ещё один пункт запрещал на время действия соглашения продавать представленные на выставке работы самостоятельно или через другую площадку по цене, отличавшейся от согласованной с галереей.

Это звучало вполне резонно, но Элоиза всё равно уточнила:

— То есть если покупатель напишет мне напрямую, я не могу продать ему дешевле, чем здесь?

— Именно.

— Даже если он увидел работу до выставки?

— Если она включена в договор — да.

Элоиза ненадолго задумалась.

Если галерея вкладывалась в выставку, рекламу, монтаж и принимала покупателей, было бы довольно странно одновременно предлагать те же картины дешевле через личные сообщения.

— Хорошо.

Она перевернула страницу.

Последний раздел оказался самым интересным.

И самым волнующим.

Элоиза почувствовала, как внутри снова что-то дрогнуло, но внешне постаралась никак этого не показать.

Если выставка покажет хорошие результаты и обе стороны останутся довольны сотрудничеством, после её окончания они смогут обсудить отдельный долгосрочный эксклюзивный договор — уже на новые работы, следующие выставки и представительство в других галереях сети.

Элоиза задержала взгляд на этой странице дольше остальных.

Ничего не гарантировалось.

Но возможность была.

И именно ради таких возможностей она последние годы работала.

И всё же ей стало интересно, почему Дюпре предложил договор только на одну выставку.

— Почему вы не предложили контракт на несколько лет? Или хотя бы на несколько выставок?

Лоран, который тихо о чём-то переговаривался с её братом, замолчал и перевёл взгляд на неё.

Эдуард, усмехнувшись, откинулся в кресле. Ему явно было интересно наблюдать за сестрой во время её первой настоящей деловой встречи.

После короткой паузы Лоран ответил:

— Только после результатов. Я не предлагаю долгосрочное сотрудничество человеку, с которым ещё ни разу не работал. И вам, думаю, не стоит соглашаться на него с галереей, которую вы пока знаете только по красивым стенам.

Элоиза подняла глаза.

— А вот они действительно красивые.

— Значит, первое впечатление мы уже не испортили.

Она чуть улыбнулась.

Элоиза перечитала последние несколько пунктов, после чего закрыла папку.

— Меня всё устраивает.

— Уверены? Не хотите пробежаться ещё раз? — спросил Дюпре.

— Ты можешь не спешить, — вклинился Эдуард.

— Я уверена, — ещё твёрже сказала Элоиза. — Тем более если это договор на одну выставку, тут и обдумывать нечего. Я согласна с вашими условиями, месье Дюпре.

— Хорошо. Тогда прошу, поставьте вашу подпись.

Элоиза взяла лежавшую на столе ручку.

В папке находилось два экземпляра договора. Она поставила подпись напротив своей фамилии, вписала дату, затем сделала то же самое на втором экземпляре.

— Готово.

Она протянула папку Лорану.

Он потянулся за ней, и кончики его пальцев случайно коснулись её пальцев.

Прикосновение длилось едва ли секунду.

Его пальцы оказались прохладными и неожиданно мягкими.

Они одновременно подняли глаза.

На короткое мгновение оба замерли, не отводя взгляда.

Лоран первым слегка прокашлялся и забрал папку.

— Хорошо.

Он подписал оба экземпляра со своей стороны, поставил дату и отложил один из них для Элоизы.

Закончив, поднялся.

— Поздравляю вас с вашим первым договором.

Он протянул руку.

Элоиза тоже встала и пожала её.

— Надеюсь на плодотворное сотрудничество.

После этого Лоран обменялся рукопожатием с Эдуардом.

— Есть ещё несколько моментов, но можем обсудить их сейчас или после, если вы захотите осмотреть галерею.

Элоиза заинтересованно посмотрела на него.

— Например?

— Цены.

Точно.

О ценах она за всеми остальными пунктами договора почти забыла.

— Да, конечно. Я как раз хотела это упомянуть.

Лоран перевёл взгляд на бумаги.

— И ещё один формальный момент. Не в обиду вам, но перед приёмом работ мы проверяем происхождение и авторство каждой работы.

Элоиза слегка приподняла брови.

— Моё авторство?

— Всех художников.

Его тон не изменился.

— Это стандартная процедура. Фотографии процесса, ранние эскизы, записи о материалах, при необходимости подтверждения из мастерской или школы. Для молодых художников особенно важно, чтобы происхождение работ можно было документально проследить.

Элоиза медленно кивнула.

Её это вовсе не обидело. Скорее наоборот — она оценила, насколько серьёзно галерея относилась к происхождению работ и собственным рискам.

— У меня половина жизни этой серии лежит в мастерской, — сказала она. — Эскизы, фотографии, испорченные варианты. Думаю, доказательств будет достаточно.

— Тем лучше.

Эдуард коротко посмотрел на сестру, но ничего не сказал.

Элоиза снова открыла свой блокнот.

— А когда вы хотите забрать работы?

Лоран назвал десятое число этого месяца.

— Наши сотрудники приедут в мастерскую, проверят состояние полотен, упакуют и заберут все восемь.

— Я хотела бы присутствовать.

— Я бы удивился, если бы вы не захотели.

— А если девятая будет готова?

— Если подтвердите её до крайнего срока, заберём вместе с остальными. Если она будет закончена позже, организуем отдельную перевозку. Но не утром перед открытием.

— Я и не собиралась заканчивать её в день икс.

Лоран ничего не сказал.

Просто продолжал смотреть на неё.

Элоиза прищурилась.

— Почему вы так смотрите?

— Ваш брат предупредил, что вы любите работать до последнего.

Она медленно повернула голову к Эдуарду.

Тот совершенно спокойно поправил манжет рубашки.

— Предатель.

— Я предоставил важную информацию деловому партнёру.

— Даже звучишь отвратительно.

— Спасибо.

Лоран всё-таки рассмеялся.

И только тогда Элоиза поймала себя на том, что напряжение, с которым она вошла в кабинет, почти исчезло.

Перед ней находился не человек, которому она должна была доказывать своё право называться художницей.

Скорее человек, с которым ей предстояло работать.

И эта разница оказалась гораздо важнее, чем она ожидала.

Лоран закрыл лежавшую перед ним папку и отложил её в сторону.

— Тогда остался вопрос с ценами. Можем обсудить их сейчас или оставить на потом. Я в любом случае хотел показать вам галерею, прежде чем мы окончательно решим, где будет находиться каждая работа.

Элоиза почти сразу посмотрела в сторону двери.

После того как она с самого входа мысленно успела развесить половину серии по стенам, выбор был довольно очевиден.

— Цены могут немного подождать. Я бы сначала посмотрела галерею.

— Хорошо.

Эдуард взглянул на часы.

— В таком случае я вас оставляю.

Элоиза повернулась к нему.

— Уже?

— В отличие от некоторых, я сегодня действительно работаю.

— А я, по-твоему, что делаю?

— У тебя больше творческий процесс.

По его лицу было видно, что продолжать этот разговор он не собирался. Эдуард очевидно спешил и без того задержался здесь дольше, чем планировал, ради сестры.

Он застегнул пиджак, забрал со стола телефон и протянул Лорану руку.

— Рад, что всё получилось. Желаю вам удачного сотрудничества.

Лоран ответил рукопожатием.

— Благодарю.

Затем Эдуард повернулся к сестре.

— Увидимся вечером.

Элоиза кивнула.

Он коротко коснулся её плеча и направился к двери.

Она проводила его взглядом.

Когда дверь закрылась, в кабинете вдруг стало непривычно тихо.

Хотя, если подумать, ничего особенно не изменилось. За стеной по-прежнему слышались приглушённые голоса сотрудников, из открытого окна доносился далёкий шум улицы, на столе лежали те же бумаги и два подписанных экземпляра договора.

Просто теперь их осталось двое.

И почему-то это ощущалось одновременно непривычно и спокойно. В Лоране было что-то, что действовало на неё именно так: рядом с ним напряжение постепенно уходило само собой.

Дюпре поправил несколько лежавших на столе листов и первым нарушил короткую паузу:

— Пойдёмте?

— Пойдёмте.

Несмотря на это странное спокойствие рядом с ним, после ухода брата Элоиза всё же немного растеряла прежнюю уверенность и ответила тише, чем собиралась.

Пиджак Лоран так и оставил на спинке кресла.

Они вышли из кабинета и вернулись тем же коридором, которым несколько минут назад Адель провела их сюда.

Теперь Элоиза шла медленнее.

Спешить уже было некуда, и галерея воспринималась иначе, когда она знала, что через тринадцать дней на этих стенах действительно будут висеть её картины.

Лоран первым провёл её во второй зал.

Он был немного меньше главного, но пространство здесь ощущалось свободнее. Открытый известняк сохранили только на одной стене, остальные оставили светлыми, чтобы ничто не отвлекало от работ. Здесь освещение было устроено немного иначе, чем в главном зале:

отдельные светильники можно было направлять на каждое полотно, меняя угол и интенсивность света в зависимости от развески.

Элоиза остановилась почти посередине.

Восемь готовых полотен.

И почти девятое.

Она на мгновение прикрыла глаза, всё ещё не до конца веря, что наконец приблизилась к тому, о чём говорила едва ли не с детства.

Рисовать у неё получалось всегда.

Сначала это были животные, деревья, дома, пейзажи — всё, что попадалось перед глазами и казалось достаточно интересным, чтобы перенести на бумагу. Родители заметили её способности довольно рано и ещё во время школы записали на занятия, не позволив увлечению остаться просто детским хобби.

Позже решение уже было полностью её.

Элоиза поступила в Beaux-Arts de Paris, потому что к тому моменту точно знала: живопись не должна оставаться занятием для свободных вечеров.

Она хотела сделать её своей профессией.

Своей жизнью.

Элоиза медленно вдохнула, открыла глаза и снова начала оценивать расстояния между стенами.

«Красное пальто» здесь действительно смотрелось бы лучше, чем у входа.

«Три чашки» можно было оставить дальше, чтобы зритель сначала увидел пространство целиком и только потом заметил пустой стул.

Она медленно повернулась вокруг себя и наконец посмотрела на Лорана.

— Я видела, что вы готовите выставку Мореля.

— Да. Открытие в пятницу.

— Получается, четвёртого?

— Именно.

Она ещё раз оглядела пустой зал.

— Я могу прийти?

— Конечно. Я как раз думаю, что это будет очень кстати.

— Почему?

— Вы увидите галерею уже во время открытия. С посетителями, светом, готовой развеской. Поймёте, как всё устроено до того, как пятнадцатого сентября окажетесь здесь уже по другую сторону.

Элоиза чуть улынулась.

— Звучит немного пугающе.

— Лучше испугаться четвёртого, чем сделать это пятнадцатого и сбежать.

Она повернула к нему голову и прищурилась.

Лоран произнёс это настолько серьёзно, что несколько секунд она пыталась понять, шутит он или нет.

Уголок его губ дрогнул первым.

— Очень обнадеживает, месье Дюпре.

— Это моя обязанность, — сказал он и подмигнул.

Элоиза тихо рассмеялась.

Оказывается, чувство юмора у него всё-таки было.

И почему-то это открытие понравилось ей сильнее, чем следовало.

Они прошли дальше.

Лоран показал ей проход, через который будут заносить крупные полотна, объяснил, где обычно оставляют больше пространства между работами и какую часть главного зала предпочитают освобождать для гостей во время открытия.

Элоиза задавала вопросы почти обо всём.

О том, сколько времени занимает развеска. Когда окончательно выставляют свет. Часто ли уже установленную работу приходится снимать и переносить на другую стену. Кто принимает последнее решение, если мнение художника и галереи расходится.

Лоран отвечал спокойно и подробно.

Не пытался представить мнение галереи единственно правильным и не говорил с ней так, будто она должна быть благодарна уже за сам факт выставки. Если что-то зависело от работ, он так и говорил. Если окончательное решение они должны были принимать вместе — тоже.

Элоиза постепенно поймала себя на том, что перестала заранее подбирать каждый вопрос.

Разговор просто шёл.

У дальней стены Лоран остановился возле стеклянной двери.

— И ещё одно прекрасное место, которое вы пока видели только из окна и которое я очень люблю.

Он открыл дверь и пропустил её вперёд.

Во внутреннем дворе оказалось прохладнее.

Элоиза ступила на широкие светлые плиты и остановилась, оглядываясь.

Со всех четырёх сторон двор окружали каменные стены старого здания. По одной из них поднимался плющ, другая почти целиком оставалась открытой, и тёплый оттенок известняка особенно хорошо смотрелся на солнце. Вдоль стен стояли большие керамические кадки с оливковыми деревьями и зеленью.

В центре разместили несколько небольших круглых столиков со стульями, а в глубине, под раскидистыми ветвями дерева, стояла длинная деревянная скамья с широкими светлыми подушками.

Город отсюда всё ещё было слышно, но гораздо тише.

Будто стены галереи оставляли за собой только его приглушённый фон.

Элоиза прошла чуть дальше, продолжая рассматривать двор. В нём было настолько уютно, что взгляд сам цеплялся то за оливковые деревья, то за плющ на каменной стене, то за спрятанную в глубине скамью.

— Действительно красиво и уютно.

— Летом сотрудники практически переселяются сюда.

Она посмотрела на столики.

— А во время выставок?

— Если позволяет погода, двери оставляем открытыми. Гости тоже выходят сюда.

Элоиза представила этот двор вечером пятнадцатого сентября.

Свет из открытых дверей галереи. Люди с бокалами в руках. Разговоры за столиками. Незнакомые лица, которые несколько минут назад стояли перед её картинами, а потом вышли сюда обсуждать увиденное.

Главное, чтобы не пошёл дождь.

От этой картины внутри поднялось уже знакомое волнение, но на этот раз оно было совсем другим — тёплым, почти радостным.

До сегодняшнего дня выставка существовала для неё в основном в переписках, датах, фотографиях и разговорах.

Теперь у неё появилось место.

Настоящее.

Через тринадцать дней сюда придут люди смотреть на то, что она несколько месяцев создавала одна в своей мастерской.

Мысль всё ещё немного пугала.

Но теперь гораздо сильнее она её радовала.

— Я смотрю, вы о чём-то задумались?

Голос Лорана прозвучал совсем рядом.

Элоиза повернулась.

Он стоял в нескольких шагах от неё, засунув одну руку в карман брюк.

— Не верю, что совсем скоро моя мечта воплотится в реальность.

— Мечтам свойственно исполняться, если сильно захотеть и стараться, — сказал он, глядя ей прямо в глаза.

Она несколько секунд смотрела на него.

— Просто всё ещё кажется, будто это сон наяву.

— Могу ущипнуть вас, чтобы убедить, что это не сон.

Элоиза рассмеялась.

— Я поверю вам на слово.

— Так уж и быть, — сказал он и тоже улыбнулся.

Она снова повернулась к двору.

Впервые с того момента, как Эдуард сообщил ей, что Лоран Дюпре согласился посмотреть её портфолио, всё происходящее перестало казаться чем-то далёким и ещё не совсем настоящим.

Теперь она могла представить собственную выставку не только в голове.

У неё были эти стены, эти залы, этот двор и конкретная дата.

И, пожалуй, впервые Элоиза позволила себе не просто хотеть этого — она хотела этого давно, — а по-настоящему поверить, что всё уже происходит.

Они ещё немного прошли по двору, а затем вернулись к двери.

Лоран придержал её, пропуская Элоизу вперёд.

Она шагнула внутрь и оказалась ближе к нему, чем ожидала.

Совсем немного.

Но достаточно, чтобы на долю секунды остановиться и уловить аромат его одеколона — свежий бергамот, кедр и чуть терпкий ветивер. Ненавязчивый, прохладный запах, который почему-то очень ему подходил.

Лоран тоже не двинулся.

Элоиза подняла голову.

Его глаза в более тёмном проходе казались ещё ярче, чем в кабинете.

Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга, хотя ничто не мешало ей сделать ещё один шаг и пройти дальше.

— Я рад, что вы приехали, — сказал он.

Элоиза первой нашла спасение в знакомой теме.

— Значит, я действительно хорошая художница.

— Я сейчас не о картинах.

Вот теперь ответ пришёл далеко не сразу.

Не столько из-за того, что Элоиза не знала, что сказать, сколько из-за неожиданного смущения, которое вызвали его слова.

Она посмотрела на него, потом на дверь, которую он всё ещё придерживал рукой.

Улыбка появилась на его лице медленно, будто Лоран прекрасно видел, что застал её врасплох, но не собирался облегчать задачу.

Элоиза вдруг слишком отчётливо почувствовала, насколько близко находится его плечо.

Это было глупо.

Всего несколько минут назад они обсуждали страховку, авторство и перевозку картин.

И всё же между ними было что-то странно знакомое. Не та близость, которая могла возникнуть после одной встречи, — скорее ощущение, будто рядом с ним не требовалось постоянно держать себя в напряжении. Будто они знали друг друга дольше нескольких часов и только сейчас неожиданно это обнаружили.

— Я тоже рада, — наконец сказала она.

В глубине зала послышались шаги.

Одна из сотрудниц прошла мимо них с небольшой коробкой в руках, и Лоран наконец отпустил дверь.

Элоиза воспользовалась моментом, чтобы убрать выбившуюся у лица прядь за ухо и пройти дальше.

Почему-то появление совершенно незнакомой женщины вызвало у неё почти благодарность.

Они ещё раз прошли через главный зал.

Теперь Элоиза уже представляла его не пустым, а заполненным людьми и своими огромными полотнами.

У стойки Адель разговаривала с одним из сотрудников, рядом лежали каталоги будущей выставки Мореля.

Лоран остановился у входа.

— Тогда увидимся в пятницу?

Элоиза повернулась к нему.

— Тогда увидимся в пятницу, — утвердительно повторила она.

— Я попрошу Адель добавить вас в список гостей.

— Хорошо, буду вам признательна.

Перед уходом они снова вернулись в кабинет.

Папка Элоизы, которую она всё утро носила с собой и которая в итоге почти не понадобилась, всё ещё лежала возле кресла.

Она забрала её, а Лоран передал ей один из двух подписанных экземпляров договора.

Элоиза убрала его в папку и прижала её к себе уже совсем иначе, чем утром.

Теперь внутри лежал её первый настоящий договор с галереей.

Почему-то уходить оказалось немного страннее, чем она ожидала.

Хотя никаких причин задерживаться больше не было.

Договор подписан.

Основные вопросы обсуждены.

Галерею она увидела.

В пятницу всё равно вернётся сюда снова.

Лоран проводил её до выхода и вместе с ней вышел на улицу.

После прохлады галереи сентябрьский воздух показался неожиданно тёплым.

Элоиза достала телефон и увидела сообщение от Эдуарда с вопросом, закончила ли встречу.

Она написала короткое «да», а потом заметила припаркованную неподалёку знакомую машину.

За рулём сидел их водитель.

Судя по всему, Эдуард решил этот вопрос за неё раньше, чем она успела подумать о дороге обратно.

Лоран подошёл вместе с ней к машине.

— До свидания, месье Дюпре.

— До пятницы, мадемуазель Дюваль.

Он открыл перед ней заднюю дверь.

Элоиза села в салон.

— Добрый день, мадемуазель Дюваль, — поздоровался водитель.

— Добрый день.

Дверь закрылась, и через несколько секунд машина плавно тронулась с места.

Элоиза машинально повернула голову к окну.

Лоран всё ещё стоял у галереи.

Он уже смотрел вслед машине и, когда заметил её взгляд, слегка поднял руку.

Элоиза ответила тем же и только потом отвернулась.

Улыбка появилась сама собой.

Слишком довольная для человека, который всего лишь удачно провёл первую деловую встречу.

Она убрала телефон в сумку и попросила водителя отвезти её в мастерскую.

Ей вдруг очень хотелось туда вернуться.

Посмотреть на «Перед первой нотой» ещё раз.

И впервые за последние несколько недель мысль о незаконченной картине не вызвала раздражения.

Теперь Элоиза знала, кому захочет показать пианистку, когда та наконец перестанет с ней спорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.